

Галина
РАЗБИВНАЯ
г. Петрозаводск

Мой восклицательный знак

(Отрывки из книги «Мой восклицательный знак»)

Мой отец – мое отчество!

Великая Отечественная война познакомила моих родителей. Моя мама, Екатерина Разбивная, родилась в 1927 году в Заонежье, в Кихах, в деревне Мальково. В ноябре 1941 года советские войска оставили Заонежье, отступив на Пудожский берег Онежского озера. Началась финская оккупация. Основная масса жителей Заонежья были русскими. Из 15 тысяч только 500 человек карел. Жертвами оккупации стали русские – карелы и вепсы остались в своих домах, их дети продолжали учиться в школе. Семья моей мамы, бабушка Анна Афанасьевна, сестра Клавдия и брат Юрий, оказались плененными. Финны в дом пришли ночью, вели себя тихо, обошли весь дом, сели на лошадей и уехали. Позже скомандовали, чтобы все собирались, ничего, кроме вещей первой необходимости, не брали. Бабушка схватила новое шелковое одеяло, подаренное мужем, не тронутое еще, но затем вернулась, чтобы оставить одеяло: сохраннее будет. Не знала, что никогда больше не будет жить в этом доме и никогда не укроется шелковым одеялом. Не знала, что

одеяло было бы очень кстати. Надо заметить, что если бы бабушка сказала оккупантам, что ее мужа, председателя Кижского сельского совета, расстреляла как шпиона советская власть, семья бы оставили в деревне, так как финны были уверены, что обиженные властью люди не будут поддерживать партизан, которых они очень боялись. Но бабушка не воспользовалась такой возможностью, как и все деревенские женщины, дети и старики, села в грузовик. Везли по Онежскому озеру в Петрозаводск, лёд был крепкий. Колонну сопровождали патрули с собаками.

В 1942–1944 гг. Заонежье было опутано шестью рядами колючей проволоки с подвесными минами.

В деревне Вертилово Кижского погоста жили дальние родственники бабушки – Петр Захарович Сюкалин и его жена. Петр Захарович был назначен финнами старостой деревни. Немногочисленные местные жители считали его пособником врага, ненавидели. На самом деле, как написано в книге Бацера «Позывные из ночи», Петр Сюкалин был связным, помогал партизанам разведывательными данными, едой, отдал свою лодку

(в Кижях передвигались на лодках, часто под парусом), прятал партизан в своем доме. Финские патрули часто наведывались в деревню Вертилово, подозревали старосту. В конце концов, арестовали и Петра, и его жену. Увезли в Петрозаводск и расстреляли. Через много лет внучка Петра Сюкалина Валентина вышла замуж за моего брата Александра и родила двух прекрасных сыновей – Алексея и Артема.

Главкомандующий вооруженными силами Финляндии маршал Густав Маннергейм отдал приказ с призывом к финским солдатам: «Освободить земли карелов». В этом приказе он напомнил о своем обещании, которое дал еще в 1918 году: «Не вложу меч в ножны до тех пор, пока Финляндия и восточная Карелия не станут свободными». Карелия пережила 3 года финско-фашистского господства.

И опять Финляндия выступает на стороне нацистов. В 2022 году делает заявление о вступлении в НАТО, прерывает все отношения с Россией, увеличивает силы обезумевшему миру. Очень жаль. Я вспоминаю, как сразу после войны люди говорили: «Финны всегда за пазухой нож держат».

Финские оккупанты организовали в Петрозаводске 6 концентрационных лагерей, заключили за колючую проволоку 25 тысяч человек, треть погибла в этих лагерях. Семью моей мамы разместили в бараке № 1 на Кукковке (район Петрозаводска). В некоторых комнатах не было ни окон, ни печки, спали на полу. Финны следили за чистотой, регулярно устраивали дезинфекцию, бросая все вещи в специальный барабан. В баню запускали всех вместе: детей, мужчин, женщин. Давали один кусочек мыла, один таз воды, головы обрабатывали керосином, жара была такая, что дышать было трудно. Девушек брили во всех местах, некоторые убегали и сами пытались подстричь волосы ножницами, чтобы не подвергать себя унижению перед надзирателем. За любую провинность жестоко избивали тросточками или резиновой плеткой. Особенно доставалось маленькому Юре, брату моей мамы, за побеги, которые он совершал в город в поисках еды, пролезая под колючей проволокой. Было и такое: пятнадцатилетняя Клавочка задержалась на несколько минут, когда ходила за водой на Онежское озеро. Надзиратель положил на плечо девочки большое длинное бревно и заставил ее носить это бревно по территории лагеря, заходя в калитку и возвращаясь через калитку обратно. Девочка задыхалась от слез, боли и тяжести. Еда в лагере была скудной, семья моей мамы получала ежедневно

стакан муки, по столовой ложке на человека (их было четверо), один кусок сахара и кусочек конины, если убивали лошадь. Однажды моя бабушка заболела, у нее открылось кровотечение. По линии Красного Креста к ней пришел финский врач, дал таблетки, и бабушка выздоровела. Ежедневно в лагере умирали 20-25 узников.

Маме в ту пору было 15-17 лет. Каждое утро ее забирали на работу в офицерскую столовую, которая располагалась в деревянном доме на улице Ленина, где позже было расположено Министерство образования Республики Карелия и где я работала министром. Девушки из концлагеря выполняли подсобные работы. Иногда финские женщины-повара разрешили взять картофельные очистки. Кроме того, бабушка и мама вязали кружевные скатерти, покрывала, газетницы, финны снабжали нитками. Во все времена финны любили ручную работу, мама получала за красивое тонкое изделие некоторые продукты. Оккупация длилась 1000 дней.

Утром 28 июня 1944 года торпедные катера Онежской флотилии подошли к причалу Петрозаводска. С Онежской флотилией взаимодействовала 368-я стрелковая дивизия седьмой армии, в ней и служил мой отец – Анатолий Андрусов. В городе начались пожары, взрывы, горели мосты, причал порта, в Соломенном был большой пожар. На берегу ничего не было видно. Спустя некоторое время на причале появились люди, вскоре сотни людей. Это были заключенные концлагерей, которых освободили сухопутные войска. Со слезами на глазах они встречали советских моряков. В 12 часов начался митинг, командующий Астахов поздравил всех с освобождением города. В 12:40 «Марсовый» произвел артиллерийский салют в 21 выстрел.

Дети и подростки бегали по городу, заходили в дома сбежавших финнов и карел. Мама рассказывала, что они в одном из домов нашли столовый нож. Всю войну у них не было ножа. Помчались в офицерскую столовую. Детям повезло: набрали еды, даже сливочное масло, затем бросились бежать на склады, вернулись с мешками картошки. Хватали бочки из-под повидла, соскабливая сладкие края.

Через 60 лет после войны мама получила памятный нагрудный знак «Узник фашизма» решением белорусского республиканского фонда взаимопомощи и примирения. Финляндия всем узникам сделала денежные выплаты в финских марках, дважды.

Я счастлива и горда, что мой родной отец Ана-

толий Андрусов освобождал наш город. Он был сержантом техслужбы. В наградных документах медали «За боевые заслуги» отмечено, что он отлично выполнял задачи по ремонту военной техники, на 200-300% превышая норму. Анатолий Андрусов прошел три войны: финскую, Великую Отечественную, японскую. Воевал под Москвой, Ленинградом, в Заполярье. Награжден медалями «За Победу над Германией» и «За Победу над Японией». Всю жизнь работал на железной дороге.

После освобождения Петрозаводска людям, в том числе и заонежцам, не разрешили возвращаться в свои деревни. Надо было восстанавливать разрушенный город. Бабушка устроилась извозчиком, перевозила на лошади строительные материалы, сама грузила и разгружала. Ей в ту пору было 38 лет. Потом работала кочегаром, до пенсии – уборщицей в Институте геологии филиала Академии наук (до войны в Кижях она работала животноводом). Жила семья в бараке сначала на улице Фабричной, затем на улице Лесной. Бабушка так и умерла в 72 года в бараке, с печкой, с помойным ведром, с туалетом на улице.

Маму сразу после освобождения в ее 17 лет направили на лесосплав в Соломенное. Ходили девушки пешком с Кукковки. Ее сестра Клавдия устроилась в госпиталь, который располагался в здании восьмой средней школы на Зареке. Как-то держала инструменты во время операции, но, увидев кровь, грохнулась, потеряла сознание, и ей предложили работу по расчистке кирпичей разрушенной гостиницы «Северная». Норма была 200 штук в день, руки в кровь, сил не хватало. Правила были строгие: за опоздание вычитали 25% от зарплаты, за отсутствие на работе, даже по уважительной причине, 50%. Ей с большим трудом удалось устроиться ученицей в швейную мастерскую. Портничой-брючницей она работала до пенсии, была ударником коммунистического труда. Юру, маминого брата, как сына «врага народа» не брали в ремесленное училище, но моя мама была боевой и настойчивой – добилась справедливости. Юра получил профессию автослесаря и всю жизнь отработал в автобусном парке. Целый день стоял в яме и ремонтировал автобусы. В молодые годы служил на флоте, где потерял глаз. Как говорили в семье, у него один глаз был стеклянным. Помню, как мама посылала Юре в армию посылки с домашним печеньем.

После лесоповала мама устроилась на работу вольнонаемной в воинскую часть. Работала прачкой, стирала на стиральной доске в щелоче окро-

вавленное солдатское белье, пар стоял коромыслом. Именно в этой воинской части служил мой отец Анатолий. Ему было 25 лет, маме 17. Вспыхнула первая, яркая любовь. Начался военно-полевой роман. Мама была симпатичная, веселая, звонкоголосая певунья. После нескольких лет, проведенных в концлагере, выглядела взрослой. Отец, судя по фотографии, был симпатичный: с яркими глазами и смуглой кожей. Я очень похожа на отца с фотографии.

Воинская часть ушла из Петрозаводска, остановилась в городе Буе Костромской области. День Победы застал влюбленных в этом городе. На радостях мои родители зачали меня. Я родилась 17 января 1946 года уже в Петрозаводске, 8-месячной и шестипалой. Маме было 18 лет. Отец ушел на японскую войну. Говорят, он возвращался в Петрозаводск, чтобы забрать любимых девочек. Но моя бабушка Анна Афанасьевна не хотела отпускать молодую дочь с ребенком в чужие края, спрятала нас, говорят, увезла в Кижы. Я никогда не видела своего отца.

Мама была награждена медалью «За Победу над Германией».

Ни о чем не жалею, мне было хорошо в семье Разбивных. Семь лет я у мамы была одна, а вокруг пятеро взрослых. Родная фамилия Андрусова не стала моей, зато отчество, на мое счастье, со мной. Мое отчество – мое отчество.

Все школьные каникулы я и мои братья проводили на Боярщине, в деревне Кижского погоста, у дяди Васи и тети Насти Давыдовых, друзей моего деда. Боярщина – историческая деревня Кижской волости, родина знаменитого сказителя Щеглѐнка. Боярщина – память о временах боярского владычества XIII-XV веков. Дядя Вася работал председателем колхоза, бригадиром, ветфельдшером. Тетя Настя работала на молочной ферме, мы с ней каждое утро на лодочке возили молоко в больших бидонах на маслобойню в деревню Волкостров. Тетя Настя пекла потрясающие калитки, налитушки, рыбники, большие пироги с брусникой, черникой, малиной, ватрушки с творогом. А мы, городская ребятня, ждали парохода из Петрозаводска и посылку от мамы: булки-сайки, баранки, петушки. Два раза в неделю со всех деревень стекались на погост лодочки, встречали пароходы «Урицкий» или «Володарский». Веселье было на пристани, как большой праздник. Встречали не только посылки, но и гостей.

В 1960 году Давыдовы переехали в деревню Вегорукса – самая древняя деревня Великогубской волости. В центре деревни – церковь Нико-

лая Чудотворца с мощной выразительной звонницей, построенной в XV веке. Именно тогда деревня принадлежала богатому новгородскому боярину Глухову.

Хорошо помню эту замечательную деревню, открытую всем ветрам. Тетя Настя и дядя Вася жили на первом этаже большого дома, на втором был крошечный деревенский детский сад. Дядя Вася работал бригадиром сельскохозяйственной бригады. Начальство находилось в деревне Великая Губа. В 6 утра меня и моих маленьких братьев будило громкое восклицание: сначала гремела ручка телефона, а затем голос дяди Васи: «Великая!», и так бесконечно. «Великая» чаще всего молчала. Затем дядя Вася проводил утреннюю разрядку прямо в большой кухне дома, в котором жил. Ну а дальше – завтрак: в русской печке солнечные оладьи с желтыми рисунками и топленое молоко с оранжевой пенкой, в миске жирный и очень зеленый лук с солью и кремовой сметаной. Потом я шла на работу в детский сад, мне это очень нравилось. Я училась в 10 классе, работала и прачкой, и уборщицей (кстати, в 9 классе я работала уборщицей в школе). Жить в Вегоруксе было большим удовольствием. У дяди Васи была собака по кличке Волга. Он был не только бригадиром, но и выполнял другие роли, например, занимался списанием просроченных продуктов в магазине. Однажды это была целая коробка конфет «грильяж». Списанные конфеты ела Волга и вся городская ребятня, которая отдыхала у своих бабушек и дедушек.

К сожалению, моего деда 19 января 1938 года арестовали. Зашли в дом ночью, все разбросали: «Одевайся, поедем». В деревне уже происходили аресты. Дядя Федя, брат бабушки, успокаивал: «Не расстраивайся, сестра, разберутся и вернутся». Бабушка ездила в Петрозаводск, стояла у тюрьмы, хотела узнать, за что арестовали мужа, но ей сказали: «Уезжай, а то и тебя возьмут». Ее взяли, увезли на лесозаготовки от трех малолетних детей как жену врага народа на целых полгода. Корову тоже забрали в общий сарай. Моей маме было 10 лет, ее сестре Клавдии – 9, а брату Юре – 7. Деревенские жители жалели детей как могли, помогали, тайком передали детям новорожденного поросенка. Дети сами пекли хлеб в русской печи, месили тесто, укладывали мякушку на ухват и осторожно, в 4 руки, пропихивали в печь рядом с горкой углей. Правда, в доме всегда снимала комнату учительница, она помогала детям. Мама часто вспоминала учительницу и правило по русскому языку: глагол – это та часть

речи, которая падает с печи, ударяется об пол, называется глагол.

Деду было 35 лет, коммунист. Его осудила тройка НКВД КАССР. Он был обвинен по статье 58.08.05. ВТСВО – за антисоветскую агитацию, пропаганду, контрреволюционную деятельность. Расстрелян 8 февраля 1938 года в окрестностях Петрозаводска, вероятно, похоронен на Зарецком кладбище. Реабилитирован в 1958 году – через 20 лет, решением Военного трибунала Северного округа. Бабушка в связи с реабилитацией получила материальную помощь – денег хватило, чтобы купить два отреза крепдешина на платья дочерям и велосипед сыну. Только 7 октября 2002 года, через 64 года, пришла справка о реабилитации моей мамы, ее сестры Клавдии и брата Юры. Справка о том, что Богуславцева Екатерина Григорьевна по заключению прокуратуры Республики Карелия от 23.02.1995 года, на основании статьи 2-1 Закона РФ о реабилитации жертв политических репрессий признана пострадавшей от политических репрессий, и, в соответствии со статьей 1-1 указанного закона, была признана подвергнувшейся политическим репрессиям и реабилитирована. Тут государство побеспокоилось и выдало всем детям войны беспроцентное свидетельство о реабилитации жертв политических репрессий. Был и другой документ – в 1958 году семья получила справку из Бюро записей актов гражданского состояния о том, что мой дед, которого расстреляли в 1938 году, называется, умер 17 февраля 1941 года от гнойного плеврита. Вот такая вот история!

До 10 лет я жила в дружной семье Разбивных и всегда была Разбивной. Первые годы моей жизни прошли в бараках. Рядом, в соседнем бараке, располагался мой детский сад, любимый детский сад. До этого меня носили в онегзаводские ясли на улице Володарского. Носили зимой в толстом одеяле, пешком до Кукковки. Чаще всего это делала моя тетя Клава. Однажды зимой она несла меня по заснеженному городу, ей было 17 лет. На ногах – валенки разного цвета и размера, идти было тяжело, и она уронила меня в сугроб. Навстречу шла колонна финских военнопленных, один из солдат выскочил из строя и подал Клаве нелегкий кулек с ребенком.

Первые годы жизни в бараке на улице Лесной были счастливыми. Добрые люди после страшной войны улыбались, делились последним. У каждой семьи была одна комната с печкой, перегородкой из фанеры. Около каждой двери в коридоре стояло помойное ведро. Ночью оно заноси-

лось в комнату и служило «унитазом». Напротив нашей комнаты жила большая семья Пахомовых: дядя Митя, тетя Маруся и их дети. Целыми днями дядя Митя мастерил детские гробики и продавал: вероятно, были востребованы. В крайней комнате жила бабушка Катя, в годы войны воевала в партизанском отряде, каждое воскресенье она пекла печенье, которое называла «говорушки». Меня любила и приглашала на «говорушки», а я любила поговорить с ней – было здорово. В начале улицы Урицкого (теперь проспект А. Невского) всегда была огромная лужа, мы на плотках плавали по ней, приставая то к одному булыжному берегу, то к другому. Рядом с нашим бараком была железная дорога, мы бегали туда за варом (вареная смола – наша жвачка), зубы у всех были жемчужно-белые, именно вар очищал их. Кстати, зубной пасты не было, но был зубной порошок.

Мама работала бухгалтером-кассиром в строительной конторе горсовета, бабушка – кочегаром в филиале Академии наук, Клава – портнихой в швейной мастерской. После войны заказчики приносили вместо нового материала кители убитых солдат, особенно финских, которые находили в лесу в окрестностях Петрозаводска. Портнихи пороли эту одежду и шили детям пиджаки или «американки», так называли курточки для мальчиков. Моя тетушка обшивала всю семью. Помню, что у меня было белое летнее пальто, которое модно называлось «пыльник», и самые красивые школьные фартуки. В 1947 году пришел в семью мой отчим – Иван Богуславцев. Он служил в армии старшиной, прапорщиком, последние годы служба проходила в военной автоинспекции. С ним мы жили более сытно, чем наши соседи, – 5 взрослых работали, а отчим ежемесячно получал продуктовый паек.

Мой отчим – мой дом

Мой отчим, Иван Васильевич Богуславцев, родился в Алтайском крае, в Егорьевском районе, в селе Сросты. В Карелии его часто звали – Сибиряк. Мы прожили вместе 52 года. Дом наш был дружелюбный, открытый, надежный, теплый, вкусный! Барак, в котором мы жили, располагался рядом с пехотным училищем, отчим служил в этом училище старшиной. Мама и ее сестра Клава по субботам бегали в училище на танцы (1947–48 гг.). Мама рассказывала, что именно там она познакомилась с отчимом. Некоторые молодые жены офицеров на танцах были в кружевных, очень нарядных сарафанчиках – тро-

феи, которые привезли мужа с войны. Впоследствии оказалось, что это были комбинации, которые немки носили под платьями. А кто знал?

Пришел к нам в барак Иван Богуславцев в 1947 году с орденами и медалями, ему было 25 лет. Во время Великой Отечественной войны служил на Кольском полуострове и на Карельском фронте, в Беломорске.

Мама полюбила веселого сибиряка. Родились два сына, Александр и Владимир. А потом пошли замечательные внуки, которых очень любил дед, – Катя, Артем, Наташа, Алеша и Дима. Всех любил, всех возил по заявкам, сначала на «Запорожце», потом на «Москвиче», затем на «Жигулях». Был и мотоцикл с коляской. Когда перешел на службу в военную автоинспекцию, стал иногда катать нас и на «козлике» ВАИ. Дед не был скакуном, по жизни шел не спеша. Был неравнодушным свидетелем моего человеческого и профессионального роста. Кстати, меня его коллеги называли Галина Ивановна, и я не возражала. Он меня провожал в Крым, во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Гордился мной, когда я была избрана секретарем горкома комсомола. Особенно волновался, когда меня избрали народным депутатом СССР. Понимал, какая ответственность на меня возложена.

«Фантастика, романтика, наверно, в этом виноваты...»

На городском конкурсе чтецов в свои 14 лет я залихватски читала:

*Шагает наша юность по планете!
Творит и строит, счастье создаёт!
Взлетает в космос молодость в ракете!
И в коммунизм уверенно идет!*

Наполненные искренней чистотой, верой в светлое будущее 60-е годы XX века были для многих, особенно активной молодежи, глотком свободы, появилась плеяда «шестидесятников».

Диспуты, комсомольские собрания были горячими. Пытались ответить на вопрос: чем будет отличаться человек, живущий в 60-е, от того человека, который будет жить при коммунизме? Верили, что при коммунизме человек человеку всегда будет друг, товарищ и брат. Мечтали, что люди будут образованными, с высокой культурой быта, увлеченные профессией. Судили равнодушные, мещанство, искали идеал. Сами идеальны-

ми не были, но не были и фальшивыми, просто настоящие были – привлекательные.

В школе меня называли «идейная», и тогда это не звучало оскорбительно, скорее одобрительно. Я любила свою Зареку (такой район) и школу, учителей, и не только за математику или биологию. Я купалась в доверии, меня понимали, принимали мои инициативы, поддерживали мой школьный комитет комсомола, в котором я была секретарем. Мы тогда создавали школьное самоуправление. Помогали учителям справиться с теми подростками, которые буйствовали. Уже потом я поняла, что у подростка, который буйствует, есть сердце, но если буйствует взрослый, особенно учитель, у него нет ума.

В далеком 1963 году меня обвинили в «политической близорукости». Учась в 10-м классе, я понятия не имела, что такое «политическая близорукость», но слышала о политических репрессиях, от которых пострадал и мой дед – Разбивной Григорий Тимофеевич, председатель Кижского сельского совета, расстрелянный в 1938 году и реабилитированный.

Я училась в средней политехнической школе № 8 г. Петрозаводска. В 9-11 классах мы получали рабочие профессии на заводах и фабриках города. В частности, девушки моего класса получали профессию фанговщицы (вязание на фанговых машинах) и швей-трикотажницы. В среду и четверг мы не учились в школе, а шли на трикотажную фабрику. Лично для меня и многих из нас это было насильем и потерей времени. Пришивание резинок к панталонам и шитье рабочих перчаток на больших промышленных швейных машинах у меня вызывало раздражение. На фабрике был оборудован специальный учебный цех. Я была комсомольским лидером класса, называлась – комсорг. Профсоюзная организация фабрики постоянно проводила социалистические соревнования, в том числе на самый чистый цех. Однажды, под Новый год, в наш цех принесли стенд: на ножках – доска черного цвета с приделанной метлой, объявив нам, что мы самый грязный цех. Недолго думая, мы метлу украсили разноцветными нитками и тряпочками, соорудили ёлку. Что тут началось: вызвали директора нашей школы, директора фабрики. Наш куратор-наставник была вся в красных пятнах.

Чрезвычайное собрание открыли традиционным вопросом: «Кто начал?» (любимый учительский вопрос). Я встала, за мной поднялись все девочки. Нас на полном серьезе обвинили в политической близорукости. Оказывается, трогать карикатуру руками, тем более глумиться над ней, счи-

талось страшным проступком. Фабрика угрожала, что больше никогда не пустит наш класс на производственное обучение, а из меня ничего хорошего не получится, заявила директор фабрики. Мой любимый директор школы Мария Васильевна Комиссарова исключила меня из школы на три дня, комитет комсомола школы объявил устный выговор. Мне было очень жаль моего директора и мою милую маму – они очень переживали.

В те 1963–1965 годы в Петрозаводске началось коммунарское движение.

Коммунарское движение захватывало самых активных, неравнодушных, успешных. Оно отличалось от комсомольской организации. В комсомоле был устав, его надо было знать и выполнять, могли исключить из комсомола даже за мизерную провинность, могли не принять в комсомол. Ни в коем случае не хочу принизить роль комсомола в жизни молодежи, живущей в СССР, и в моей личной жизни. Но коммунарское движение было добровольным, основанным на товариществе, вовлекающем в коллективное творчество, не было официальной программой на «пятилетку».

Появился отряд «Ревком» – революционный комсомольский отряд – «Мыслитель». В названии присутствует революционный романтизм, принадлежность его членов к комсомолу, но ключевое слово «мыслитель». Интеллектуальная работа над собой была заразной, способности каждого учитывались в общей творческой деятельности и развивались с бешеной энергией. Слово «мероприятие» было под запретом (считалось, если мероприятие – то формальное) – проводили Дела. Была форма – рубашка хаки, буденовка, красный галстук, – появилось движение ребячьих комиссаров. Звали нас на коммунарских многодневных сборах: товарищ Галя, товарищ Саша, товарищ Оксана...

Сотни студентов и старшеклассников не только Карелии, но и Санкт-Петербурга, Москвы, Перми, Соликамска, Горловки были вовлечены в коммунарское движение. Всех объединяло желание – Быть! Сделать! Любить! Собирались вместе умные, дерзкие, образованные, харизматичные юноши и девушки. Все лирики не без физики, книголюбы, романтики. Книги передавались из рук в руки: Януш Корчак «Как любить ребенка», Даниил Гранин «Блокадная книга», «Иду на грозу», Василий Аксенов – «Московская Сага», «Остров Крым», Евгений Евтушенко – «Ожог», Достоевский – «Бесы», Хемингуэй – «Старик и море», Селинджер – «Над пропастью во ржи», Экзюпери – «Маленький принц», Рыбаков – «Дети Арбата» и т.д.

Рядом с компанией «Ревкома» был постоянно действующий, уже со своей долгой, доброй историей, клуб старшеклассников «Товарищ» при газете «Комсомолец», с бессменным и любимым руководителем – журналистом Евгением Давыдовым. Талантливая молодежь каждую среду собиралась в редакции газеты «Комсомолец» в 18:13. Молодежь Карелии, которая прошла через эти уникальные неформальные проекты, и во взрослой жизни оставалась заметной, влиятельной силой. Все состоялись как личности.

Эту главу я назвала: «Романтика, фантастика, наверно, в этом виноваты...» не случайно. В свои 19 лет, когда я работала в «Артеке», мой первый отряд в дружине «Лесная» назывался «Романтик». Реферат, который я защищала после окончания центральной школы пионерских работников, назывался «Романтика в жизни пионерского отряда» и был оценен на «отлично». С моими «артековскими» детьми мы побывали в Старом Крыму на могиле Александра Грина. Дети подарили мне шеститомник писателя. Бригантина, гитара, алые паруса со мной всегда.

**Всесоюзный пионерский имени В.И. Ленина
лагерь «Артек» – моя колыбель.
Мой Дворец – мой избалованный ребенок!**

В центре моей жизни был Дворец пионеров и школьников, Дворец творчества детей и юношества!

В 1953 году я пришла самостоятельно в очень красивый дом на площади Кирова (теперь в этом здании Музей изобразительного искусства Республики Карелия) и записалась в танцевальный кружок, и первый мой танец назывался «Мишка с куклой громко топают».

До сих пор помню моё впечатление от рая, который я обнаружила внутри здания дворца. Широкая мраморная лестница с ковровой дорожкой, красивые классы и залы с «дорогущими» люстрами и паркетом. Даже запах неизвестный – вкусный, и очень вежливые педагоги.

Когда училась во втором классе, победила на конкурсе чтецов в школе (училась в 5-й семилетней школе, теперь там женская консультация). После этой победы меня направили на городской конкурс чтецов, который проходил во дворце. Я заняла II место, получила грамоту и книгу в подарок (хорошая была традиция дарить хорошие книги победителям соревнований и конкурсов).

Когда дворец переехал на улицу Еремеева (те-

перь там загс), записалась в кружок киномехаников (с танцами не сложилось). Мой интерес был не столько в освоении профессии киномеханика, сколько в приобретении горделивости. Ведь я принимала участие в показе кино, да еще и смотрела фильмы по нескольку раз. Актёрский зал на Еремеева был небольшой (тогда казалось – огромный). Думаю, во дворце на улице Красной было бы хорошо открыть детско-юношеский кинозал для школьных классных коллективов, возможно, с дальнейшим обсуждением некоторых фильмов, таких как «Обыкновенный фашизм», «А зори здесь тихие...», «Розыгрыш», «Доживем до понедельника», «Чучело», хороших исторических кинолент.

Итак, появившийся у меня «свой» дворец продолжал завлекать. Меня пригласили в лыжную секцию, выдали лыжи, палки, лыжный костюм, ботинки, шапочку – все пахло новизной. Я несла все это богатство домой пешком с улицы Еремеева на улицу Промышленную, была уверена – народ мне завидовал, зависть была заслуженной, а мое счастье было безмерным. Долго лыжами не занималась. Все сдала тренеру и решила, что школьных уроков на лыжах мне достаточно. В каждой школе в те времена были лыжные базы, где ученикам класса хватало и лыж, и ботинок. А на стадионе «Юность» в выходные дни мы гоняли на коньках, которые закрепляли на обычные сапоги или валенки при помощи палочки и веревки. И все-таки я нашла себя, записалась в Театр художественного слова к замечательному педагогу Галине Ильиничне Сафрон. И это точно было моё.

Театр меня захватил. С тех пор владею словом и, возможно, ораторским искусством. В театре я познакомилась с поэзией советских и русских классиков, читала стихи на концертах в больших и малых залах, у Вечного огня на торжественных возложениях, на Карельском радио. Читала Рождественского, раннего Маяковского, военную лирику Друниной, Светлова, басни Крылова, юморески мне удавались, зал смеялся. Голос у меня был звонкий, «поставленный». Недавно один симпатичный мужчина встретился со мной, поздоровался и поведал: «Бывало, Галина Анатольевна, воскликнете на параде в День Победы: «Юные ленинцы, к борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!», а мы как крикнем: «Всегда готовы!», даже подпрыгивали от удовольствия». Я повеселилась и подумала, что детям было все равно, за дело какой партии они готовы бороться. Главное, салютнуть и ответить достойно!

В старших классах пела в вокальной группе

«Юность», которой руководила Клара Николаевна Стасюк. Именно с группой «Юность», с членами нашего театра и с мальчишками автомобильного кружка мы съездили в автопробег «Петрозаводск – Москва». Мальчики по очереди пробовали себя за рулем учебного грузовика, а мы выступали на уличных площадках и в клубах. Поездка была замечательной: увидели Новгород, Калинин (теперь Тверь), Вышний Волочок, Москву, восхитились великой рекой Волгой.

Кроме того, увлеченно работала с пионерами в качестве отрядной вожатой, это был класс, где учился мой брат Александр. Руководили отрядными вожатыми города замечательные методисты дворца – Галина Всеволодовна Смотрич и Римма Викторовна Чикова. Мой отряд занял I место в смотре пионерских отрядов.

Много лет сценарии парадов Победы и в день рождения пионерской организации писала сама. Помню парад 9 Мая, который был посвящен 40-летию со дня Победы. Много теплых слез площадь Кирова пролила, когда шла колонна детей войны, тогда, в 1985 году, колонна была еще многочисленной. Напротив трибуны «дети войны» бабушки остановились, а их внуки каждой вручили большие мягкие игрушки-подушки. Восторга и слез было много, когда по площади проехали подростки на самокатах. Именно в годы войны дети на самокатах добирались до завода в Надвоицах, где работали на настоящих станках.

И школа, и дворец начинали играть в моей жизни судьбоносную роль, они дали мне шанс состояться во взрослой жизни. В школе ощущала доверие, доброжелательность, заботу учителей, уважение одноклассников. Кроме уроков, было чем заняться – школьный клуб КВН.

Много времени занимал потрясающий пришкольный участок. Мы все были юннатами, школа участвовала в трех Всесоюзных сельскохозяйственных выставках в Москве. В школе работали уникальные учителя: из 48 – у 21 учителя были звания «Заслуженный учитель Карелии». Педагогический коллектив стал коллективным делегатом III Съезда учителей республики. Все переходящие знамена победителей по разным направлениям школьной жизни были в моей 8-й средней политехнической на Зареке. (А теперь это здание школы стоит без окон, без дверей на улице Волховской, заброшенное, когда-то с самыми широкими лестничными пролетами, коридорами.)

Вроде пишу о дворце, и так много посвящаю школе. Все перетекало, дополняло, развивало. Конкурсы школьных театров, смотры политичес-

ких плакатов, стенгазет, песен, хоров, пионерских отрядов, спортивные соревнования организовывал и проводил в городе Дворец пионеров и школьников.

Именно дворец подготовил меня для участия в конкурсе, который проводил ЦК ВЛКСМ в Москве, на право учиться в первой центральной школе пионерских работников на базе Всесоюзного пионерского лагеря имени В.И. Ленина «Артек» в Крыму. В 1965 году я прошла этот конкурс, окончила ЦШПР и очень ярко прожила это вдохновляющее, счастливое время в общей сложности более двух лет.

Крым! «Артек»! Каждому по небу, каждому по солнцу, каждому по морю подарил «Артек»!

Мне в мои 19 лет удалось побаловать своего внутреннего ребенка, я купалась не только в Черном море, но и в удовольствии коллективного творчества, с замечательными вожатыми со всех концов СССР и удивительными детьми-артековцами.

В «Артеке» было пять лагерей: Кипарисный, Лазурный, Морской, Горный, Прибрежный. Десять дружин: Кипарисная, Лазурная, Лесная, Полевая, Речная, Озёрная, Янтарная, Хрустальная, Алмазная, Морская. В каждой дружине 500 детей – в летнее время 5000 детей в смену, более 300 вожатых.

Я работала в «Лесной» дружине Прибрежного лагеря вожатой 1-го отряда. Из летней «Лесной» мы переехали в зимний «Горный» лагерь, в новенькую дружину «Янтарная», где меня назначили старшей пионерской вожатой. Начальником дружины была удивительная Лия Константиновна Кленевская, с которой у меня сложились теплые дружеские отношения. Она даже приехала на свадьбу артековских вожатых – мой муж Вячеслав Ситюков тоже был вожатым «Артека». В «Артеке» мне исполнилось 20 лет, первый юбилей – шикарная бочечка домашнего крымского вина и искрометные сердечные коллеги-вожатые.

Ежегодно летом, в международную смену, на «русской поляне» вожатые «Горного» лагеря проводили русские игрища для известных людей страны и зарубежных гостей, сопровождающих детские делегации. На этот раз мне досталась роль коробейника. В ярком костюме, с коробом и с песней: «Эх, полным-полна коробушка» я зазывала гостей принять участие в лотерее. Лотерея была беспроегрышной. Можно было выиграть сувениры: хрустальный Кремль, пионерский значок, карандаш, матрешку и т.д. Первому космонавту СССР Юрию Алексеевичу Гагарину тоже

достался билет. Не успел он даже взглянуть на него – бойкий коробейник повел его к Терему для «отоваривания», а по дороге провозгласил: «Вы, Юрий Алексеевич, выиграли живой будильник». Чем можно удивить первого в мире космонавта?! Вот у нас и появилась задумка – подарить ему настоящего, живого петуха, чтобы запомнилось. «Настоящего живого» накануне искали по всему южному берегу Крыма и случайно обнаружили на одном маленьком рынке. Вот этого всполошившегося от большого количества людей желто-красного красавца кто-то из вожатых в костюме Богатыря и вручил первому космонавту! Весело было, Юрию Алексеевичу сюрприз понравился – живого подарка он никак не ожидал. Довольная произведенным впечатлением, «коробейник» продолжала раздавать билеты, как вдруг до нее донеслось: «Тебя Гагарин зовет!» Ничуть не смутившись, подошла к импровизированному столу, за которым сидели Юрий Гагарин и генеральный директор «Артека», замечательный Евгений Михайлович Рыбинский – бывший I-й секретарь Карельского обкома комсомола. Они решили угостить «коробейника» рюмочкой водочки и лапчатой курицы. Петуха мы подарили местным жителям. В «Артеке» я работала дважды. Второй раз ЦК ВЛКСМ пригласил меня на летние смены для участия в III Всесоюзном слете пионеров. В это время я уже работала во Дворце пионеров и школьников. Директор дворца Тамара Дмитриевна Ригина с трудом отпустила, зато в сентябре, когда я прощалась с «Артеком», меня не отпустил генеральный директор Рыбинский, приехал на прощальный вожатский вечер и забрал мой железнодорожный билет. Пришлось внести поправки в трудовую книжку и уехать в ноябре.

«Артек» подготовил меня к продолжению моего творческого полёта в родном дворце. Я прибыла новенькая, с романтикой в сердце, с южным загаром, с ароматом Черного моря. Мне говорили: «Галка, у тебя глаза – костры, кожа – шоколадная, улыбка Гагарина».

Политика в моей биографии

В 1989 году в качестве народного депутата СССР я вошла через Троицкие ворота в Кремль.

Москва! Кремль! – адрес высших органов власти России. Кремль – крупнейший музей мира, хранитель величайших национальных сокровищ, художественных ценностей. Кремль – творец современной истории, центр мировой политики.

В школьные годы я была приглашена на Крем-

лёвскую ёлку, затем моя дочь Катерина была на грандиозном новогоднем представлении в Кремлёвском дворце.

Выдвижение моей кандидатуры в народные депутаты СССР от Комитета советских женщин не окрыляло, но ответственность перед женским сообществом Карелии не давала выбора.

После избрания получила сотни поздравлений с выражениями надежд. Петрозаводская учительница Нина Николаевна Соколова в это время работала в школе нашего посольства в Будапеште, в своем поздравлении написала:

«Примите, Галина Анатольевна, теплый привет из «розового» Будапешта (цветут розы повсюду, запах опьяняющий, вид – восхитительный, восторгам нет предела). От души, с огромной радостью и гордостью поздравляю Вас с избранием в высший орган власти. Если бы хоть половина наших граждан была подобна Вам, обладала Вашей энергией, трудолюбием, сознанием своего человеческого долга, коммунизм не казался бы призраком, а был бы явью. Желаю Вам неутомимости, неиссякаемости идей, дел, творений! Очень надеюсь на Вас! (май 1989 года)». Люди все еще мечтали о коммунизме...

Была и такая телеграмма: «Поздравляю коммунарского депутата. Мы победим – иначе быть не может». (Москва, Владимир Линенко)

25 мая состоялось открытие I Съезда народных депутатов СССР. С 25 мая по 9 июня трансляции съезда собирали у экранов телевизоров многомиллионную аудиторию.

Уже на I Съезде, так называемом историческом, разыгралась драма. Народный депутат Дмитрий Сахаров – академик, лауреат Нобелевской премии, создатель первой советской водородной бомбы, впоследствии диссидент, высланный властью в 1982 году из Москвы в город Горький (теперь Нижний Новгород), занял все пространство в Большом зале Кремлёвского дворца съездов. Накануне, на встрече М.С. Горбачева с депутатами от России в зале Правительства Российской Федерации, Сахаров выбежал на трибуну десятков раз.

Было непонятно, кто ведет съезд – Горбачев или Сахаров. (Михаил Сергеевич Горбачев – Председатель Президиума Верховного Совета СССР, первый Президент и последний руководитель СССР. Вместил в себя много надежд, хотел все и сразу, верил, что спасет, а предал не только народ, но и самого себя.) Академика, при всем уважении, было очень много. Депутаты не понимали и не принимали «орущего» на трибуне

человека, захлопывали и топали – безуспешно. Сахаров нервничал, торопился сказать, выразить личную обиду, продиктовать всем свою волю, предлагал принять Декларацию о власти, говорил об исключительном положении в стране и об исторической ответственности.

В первые дни работы съезда на Пушкинской площади в Москве проходил митинг. Выступала мадам Новодворская (так ее звали почитатели) – основатель оппозиционной партии «Демократический союз». Я была на этом событии и законспектировала выступление Новодворской. Мне было важно понять, в какой стране живу, кто меня окружает в Москве, что нужно делать.

Из выступления В. Новодворской: «Уважаемые друзья, мы сегодня собрались не просто так, а по просьбе народных депутатов СССР Сахарова, Заславской, Станкевича. Наш Верховный Совет (кстати, который только что был сформирован из состава съезда) – это сказка о Красной Шапочке и Сером волке. Волк – Горбачёв, Красная Шапочка – наша страна. Мы начнем с малого, кончим большим. Власть будет наша!»

Из состава Съезда народных депутатов впервые была сформирована легальная советская оппозиция, в которую вошли 388 депутатов, в том числе Ельцин, Попов, Афанасьев, Собчак, Травкин, Гдлян, Яблоков, Пальм, Белозерцев и другие. Остальные 1862 депутата были тем самым большинством, которое Афанасьев (ректор Московского государственного историко-архивного института) моментально окрестил сталинским и брежневским большинством. Позднее этот же Афанасьев, находясь с визитом в Японии, заявил: «Когда мы придем к власти, Курильские острова будут ваши».

Уточняя, что в состав большинства входили впервые демократически избранные (5 человек на место) депутаты 65 национальностей, каждый пятый имел учёную степень, 140 академиков и членкоров, 316 известных журналистов, 16% женщин. К большинству относились люди влиятельные, совестливые, достойные: Дмитрий Лихачёв – академик, доктор наук, Кирилл Лавров – артист, художественный руководитель Ленинградского академического театра, председатель правления Союза театральных деятелей, Святослав Фёдоров – доктор медицинских наук, директор Научно-технического комплекса микрохирургии глаза, Виктор Авотин – первый заместитель председателя правления Союза журналистов Латвийской ССР (г. Рига), Жорес Алфёров – директор Физико-технического института Академии наук СССР, Шалва Амонашви-

ли – генеральный директор экспериментального научно-педагогического объединения Грузинской ССР (г. Тбилиси).

Большинство отличала высокая нравственная и гражданская позиция.

Народные депутаты – участники съезда, особенно женщины, выходя из Кремля, зачастую снимали депутатские значки и шли в гостиницу «Москва» через первый этаж ГУМа. И не потому, что боялись оголтелых, «безработных» групп москвичей, которые днями дежурили на Красной площади. Не хотели доставить им удовольствие от возможности унижить.

Прошло 4 съезда, 19 августа 1991 года в 4 часа утра на всей территории СССР сроком на 6 месяцев было введено чрезвычайное положение. В 6 часов утра об этом объявили. Музыка была соответствующая, народ думал, что умер Горбачёв – тем более что мы уже подобное проходили: умерли Брежнев, Черненко, Андропов, и всегда эта музыка без объяснения причин. Депутаты СССР в это время были на каникулах. Я с девочками – дочерью Екатериной и племянницей Наташей – отдыхала в пансионате 4-го управления на Валдае. Трудно передать, что случилось с отдыхающими, в основном это были жены и дети работников ЦК КПСС, всесоюзных министерств и ведомств. В цокольном этаже пансионата находились телефоны, по которым можно было позвонить в Москву. Там все шумело и бурлило, кто-то что-то уже знал, кто-то не мог дозвониться. У всех на лицах была нешуточная тревога. Чего только не кричали в телефонные трубки: «не выходи на улицу», «забери в моем рабочем столе мои личные вещи». Точной информации у нас на Валдае не было.

Из депутатов СССР в пансионате были я и председатель Верховного Совета Лукьянов, который размещался в отдельном коттедже.

Срочно пришла правительственная телеграмма:

«МОСКВА
ВЫСШАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
УВЕДОМЛЕНИЕ ТЕЛЕГРАФОМ
ПЕТРОЗАВОДСК
ЧЛЕНУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
НАРОДНОМУ ДЕПУТАТУ СССР РАЗБИВНОЙ ГА=

ВНЕОЧЕРЕДНАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТКРЫВАЕТСЯ 26 АВГУСТА 1991 ГОДА В 10 ЧАСОВ УТРА В КРЕМЛЕ НА СОВМЕСТНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАЛАТ ПРОШУ ПРИБЫТЬ ДЛЯ УЧАСТИЯ В РАБОТЕ СЕССИИ= А ЛУКЬЯНОВ».

В Москве происходило следующее: вице-президент Геннадий Янаев создал самопровозглашенный орган власти ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению, который действовал с 18 по 21 августа, всего 4 дня. В ГКЧП вошли 8 человек: Валентин Павлов – премьер-министр, Дмитрий Язов – министр обороны, Владимир Крючков – председатель КГБ и др.

Впоследствии все члены путча были осуждены и с сентября 1991 года по июль 1992-го пребывали в тюрьме. Оценка на суде была дана такая: государственный переворот, хотя 93% россиян считали, что ГКЧП хотел сохранить страну.

В Москву с девочками мы приехали ночью. Чтобы добраться до моей депутатской квартиры на Рублёвском шоссе, мы должны были проехать мимо здания правительства России. Девчонки были напуганы, когда увидели обгорелые окна Дома правительства, перевернутые машины, баррикады. Уже в 8 утра депутатов Верховного Совета СССР собрали в зале Верховного Совета, где было принято решение о чрезвычайном Съезде народных депутатов 2-5 сентября 1991 года, на котором выступит А. Собчак. Но все произошло по-другому. В президиуме заняли места руководители союзных республик страны, и выступал с докладом президент Казахстана Назарбаев.

В кулуарах съезда активно шли разговоры о том, что Горбачева заменит Борис Ельцин. Руководители всех союзных республик категорически не хотели этого. После выступления Назарбаева депутаты союзных республик стали покидать зал Дворца Съездов, чтобы никогда не вернуться. Первыми ушли прибалтийские республики: Латвия, Литва, Эстония, затем остальные. Депутаты, покинувшие зал, ушли вместе с руководителями союзных республик.

Народные депутаты от России остались в зале Дворца Съездов. Все пребывали в шоке, на сцену выскочили народные депутаты Гавриил Попов, будущий мэр Москвы, Юрий Болдырев, инженер Научно-исследовательского института судовой электротехники и технологии из Ленинграда, Сергей Станкевич, первый заместитель председателя Московского городского Совета народных депутатов. Они стали требовать от российских депутатов немедленно ехать в «Белый дом» к Б.Н. Ельцину (здание Правительства РСФСР серого цвета в одночасье стало «Белым домом»). 1099 депутатов не реагировали, никто не торопился, но отключили микрофоны, свет, и люди были вынуждены покинуть зал. У парадного подъезда нас ждали автобусы. До сих пор помню ох-

рану Ельцина – мужчины, в основном чеченской национальности. Пока мы поднимались в большой зал, они нас сопровождали отнюдь не дружжелюбными взглядами. В зале сидели депутаты Российской Федерации, далеко не все, а только те, кто был предан своему Председателю Верховного Совета России Борису Николаевичу, сидели разрозненно, по всему залу, и нам пришлось садиться между ними. На сцене было пусто. Вышел торжественно, как мне показалось, Ельцин. Его речь была короткой. Думаю, в те часы он тоже пребывал в недоумении, т.к. после ухода депутатов союзных республик прошло не более двух часов. Ельцин сказал, что мы пригодимся России и что нас будут иметь в виду.

Нас и имели. Уже на следующий день удостоверение народного депутата СССР не имело силы. Чтобы вынести личные вещи из рабочего кабинета на улице Калинина, там работали комитеты Верховного Совета СССР, пришлось выписывать пропуск.

Я получила теплую телеграмму от педагогического коллектива дворца:

«МОСКВА КРЕМЛЬ НАРОДНОМУ ДЕПУТАТУ СССР РАЗБИВНОЙ ГАЛИНЕ АНАТОЛЬЕВНЕ= УВАЖАЕМАЯ ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА РАЗДЕЛЯЕМ ТРЕВОГУ О СУДЬБЕ НАРОДА НАДЕЕМСЯ И ВЕРИМ ВАШИ СИЛЫ ЖДЕМ РОДНОМ КОЛЛЕКТИВЕ КОЛЛЕКТИВ ПЕДАГОГОВ ДВОРЦА ЗАМ ДИРЕКТОРА БЫСТРОВА».

В книге В. Павлова «Август изнутри», которую он написал в «Матросской тишине», сделан детальный анализ августовских событий. Книга служит ответом на потоки лжи. Время было такое, что на вопрос: «Когда же будет хорошо?» многие говорили: «Хорошо уже было».

Хочется напомнить слова В. Новодворской: «Начнем с малого, закончим большим». Сбылось!

26 декабря 1991 года Великой страны – Союза Советских Социалистических Республик – не стало.

В то лихое время политика вершилась не только в залах Кремля. Бурлила вся страна. С нетерпением подгоняли и ждали развала СССР наши «партнеры» из Европы, США, Великобритании. Страна была уничтожена не без участия так называемой «российской элиты». Не помог и референдум, на котором большинство народа проголосовало за сохранение СССР. Все решила опять «тройка», подписав Беловежский договор, а народ ощутил все прелести развала на собственной шкуре.

Предательская речь Ельцина в Конгрессе США в 1991 году, в которой он заверял американцев в том, что на земле нашей страны мы не дадим воскреснуть коммунистическому идолу, понравилась американцам, они стоя аплодировали безумной речи Ельцина. А он продолжал: «Коммунизм не имеет человеческого облика, свобода и коммунизм несовместимы, это был зловещий урок прошлого». В конце речи Борис Николаевич пригласил американцев к расследованию темных сторон империи. Он с отвращением стучал партийным билетом по трибуне.

Затем в России были открыты все архивы, в образовательные учреждения примчались миссионеры, которые учили наших педагогов, как «любить Родину», учили демократии и другим американским штучкам, дарили «печеньки» детям. Слава богу, волна белых воротничков вскоре схлынула, т.к. не нашла должного отклика в сердцах российских граждан. Но след все-таки остался. А ведь есть общие для всех народов проблемы: климат, болезни, бедность! Есть чем заняться.

Активные народные депутаты не желали сдаваться. Была организована депутатская группа СОЮЗ. Я получила телеграмму:

«ПРИГЛАШАЕМ НА ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ДЕПУТАТСКОЙ ГРУППЫ СОЮЗ КОТОРОЕ СОСТОИТСЯ 26 МАЯ С Г В 10-00 ЧАСОВ УТРА В КОНФЕРЕНЦ ЗАЛЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ПО УЛ КАЛИНИНА 27 В ПОВЕСТКЕ ДНЯ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ И ЗАДАЧИ ДЕПУТАТСКОЙ ГРУППЫ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ = ПРЕЗИДИУМ ДГ СОЮЗ=».

Мне позвонил прокурор Республики Карелия и посоветовал не ехать на заседание группы СОЮЗ. Скажу честно, я и не собиралась, понимала, что это бесполезно.

Вспоминаются события, в которых мне, народному депутату СССР, пришлось принять участие.

В августе 1990 года в городе Запорожье (Украина) праздновали 500-летие Запорожской Сечи. На это яркое историческое событие была приглашена делегация из Верховного Совета СССР, в которую я была включена.

На празднование были приглашены члены партии Рух из Киева, присутствовал лидер Украины Л. Кравчук. Представители Рух проявляли открытую враждебность, воинственность, оглушительную агрессию, возлагали венки из колючей проволоки к памятнику В.И. Ленину, павшим солда-

там, раздавали листовки против «москалей», ругали рабочих автозавода «Запорожец» за то, что те здоровались на русском языке, ругали Москву за отсутствие украинских школ в Запорожье, все школы были русские. Надо отметить, что в Киеве размещалось Министерство образования Украины, которому никто не запрещал изучать в школах и русский, и украинский языки.

Особенно разошелся один из руховцев в вышиванке, с обилием перстней на руках, кричал депутатам из Москвы, что шахтеры вам еще покажут. Я его спросила: «Вы сами-то из какой шахты?» (на самом деле шахтеры били своими касками по брусчатке в Москве), а он мне на полном серьезе: «Я гинеколог». Мне пришлось ему заметить, что это уже «другие шахты». Хотелось поднять этого крикуна на смех, и у меня получилось.

Вечером в связи с празднованием директор завода «Запорожец» пригласил гостей на праздничный ужин. Обстановка была очень напряженной. Нас из Москвы было трое, плюс директор завода и 10 человек его заместителей, представителей Киева – 21 человек. Завод «Запорожец» был огромный, около 30 тысяч рабочих. Конвейер по выпуску машин «Запорожец» работал без остановки. Первый тост произносил Председатель Верховного Совета Украины Л. Кравчук – растерянно, неуверенно: «СССР надо бы оставить, коллеги!» Советовался он с руховцами.

Слово для второго тоста директор предоставил Верховному Совету СССР, т.е. нам. Мои мужчины попросили выступить меня. Я растерялась, в большой группе враждебно настроенных мужчин оказалась единственной женщиной на празднике «беды». Волнение переполняло, и я запела искренне, мой голос дрожал, в глазах стояли слезы:

*Как схожи наши судьбы!
Как годы наши быстры!
Куда вы нас несёте?
Возьмите наши мысли!
Ведь завтра будет поздно!
Здесь всё укроет снегом!
А вы лукаво лжёте,
Что чистым будет небо!
Возьмите мои руки,
Они так пахнут хлебом.
Возьмите эти звуки,
В них есть и быль, и небыль!
Вот крест, омытый кровью,
А вот звезда резная!
Обрыв за поворотом
И тройка расписная!*

После моего пения наступила пронзительная тишина. Затем украинцы побежали ко мне, целовали руки, за что-то благодарили.

В своем слове директор завода призывал не разрушать Советский Союз еще и потому, что только комплекующие завод получает более чем из 30 городов СССР. Не получилось, завод остановился, рабочие стали безработными.

В феврале 2022 года началась специальная военная операция на Украине. Гибнут люди, разрушаются города. Украинская армия и националисты расстреливают школы, детские сады, родильные дома, мирных жителей. Хоронят родственников во дворах жилых домов. Детское кладбище называют «аллея ангелов». Жители Донбасса приобретают статус беженцев, покидая родные дома. Закопченных, сгоревших людей в Одессе нацисты цинично называли «неграми».

Особую тревогу вызывают высказывания депутатов Верховной Рады. Так, высказывание Юлии Тимошенко – депутата Верховной Рады Украины: «Этих русских нужно расстреливать, чтобы от России не осталось даже выжженного поля». То, что 8 лет происходило на Донбассе, то, что гибли женщины, дети, старики – русскоязычное население, от рук украинских фашистов, Тимошенко не беспокоило! Когда так думает американский президент – понятно, когда женщина-мать – страшно!

За что сражается наша армия? За русского человека, за русский мир, против нацизма и фашизма.

Всегда россияне любовались красотой Украины. У нас в Карелии много украинцев. Каждый год в зале Правительства Республики Карелия вручаются золотые медали выпускникам школ всех районов республики. Особой красотой отличаются выпускницы Костомукши. Когда строился город Костомукша, много молодежи приехало на эту стройку, в том числе с Украины. Наш глава республики Сергей Катанандов называл девушек из Костомукши с украинскими корнями «хохломушки» – за красоту.

Когда-то американский сенатор после окончания холодной войны сказал: «Мы не победим русских, мы их обманем, а когда они поймут, то мы пожалеем». Нация, получившая глубокую рану, всегда будет иметь хорошую память, это мое мнение. Россия помнит 1941–1945 годы. Помнит Победу! И с памятью бороться никогда, надеюсь, не будет.

В сентябре 1990 года меня пригласили выступить с докладом на научно-практической конференции в г. Алма-Ате, со мной был мой заместитель Алексей Беляев. Конференция была посвя-

щена творческому образованию детей. Встреча с коллегами из всех союзных республик СССР была сердечной, тёплой, творческой. Выступали со своими докладами специалисты из Казахстана, Эстонии, Грузии и т.д. Возвращалась в Москву в добром настроении, на коленях в самолете еле удерживала огромную вазу с пейзажами Казахстана с огромными белыми розами. Но было и чувство тревоги: случайно стала свидетелем митинга в центре города. Молодые мужчины призывали участников бороться на независимость, не подчиняться Москве, разрывать все связи с Россией. Через год после этого митинга страны СССР не стало, а Казахстан стал «независимым».

2 июня 1989 года мне, народному депутату СССР, выдали дипломатический паспорт. В июне 1989 года в Великобритании проходили политические дискуссии женщин трех держав. От Комитета советских женщин на эти дискуссии послали меня и молодую девушку из Узбекистана, директора гранатового совхоза. Были с нами две переводчицы-москвички.

Жили в семьях, в Ливерпуле, вернее, за городом. Были в Лондоне и Честере. Великобритания является родоначальницей движения феминисток, которые борются за права женщин. Дискуссии назывались политическими. Кроме советских женщин, в них принимали участие две дамы из США, журналистки. Со стороны англичанок в дискуссиях принимало участие около 15 женщин. Разговоры были жаркими, английские женщины очень активными. Одно из событий предполагало пройти маршем к заводу уранового обогащения и передать письмо с требованиями от советских, американских и английских женщин о закрытии завода. Требуемое адресовалось лидерам трех стран. Накануне мы разговорились с женщиной – организатором этого события. Я спросила, что ждёт тех, кто участвует в подобных событиях. Нам рассказали, что могут посадить на 15 суток или оштрафовать! Английские женщины выбирают суд, причина такого выбора – в возможности выступить публично на судебном заседании.

Рано утром нас привезли на большую поляну за городом вблизи завода. Было написано письмо с согласия всех участниц марша, около 200 человек. Построились! Гостей – американцев и советских, поставили впереди. Мы держали за уголки большое одеяло, вышитое женщинами мира. Двинулись, английские женщины стали улюлюкать. По линии нашего шествия стояли жандармы в черной форме и касках, а когда показался завод, мы увидели, что там тоже жандармы в большом количе-

стве. Я попросила остановиться, – посчитала невозможным принимать участие в мероприятии. Задуманное было сорвано, к моему счастью и к удовольствию американских женщин. Они мне рассказали, что за подобные дела их могли уволить с работы. Я объяснила английским женщинам, что не имею права в чужой стране предъявлять претензии чужому лидеру, в то время премьер-министром Великобритании была Маргарет Тэтчер. Письмо было адресовано и нашему М.Горбачеву, и американскому Д. Бушу.

Поездка в Великобританию была непростой. На одном из «круглых столов» ко мне подошла молодая журналистка и задала вопрос: «Вы приехали из страны вандалов, воров и убийц. Зачем вы приехали?» Я ответила, что приехала по доброй воле приглашающих, приехала из прекрасной, великой страны. За меня яростно заступились американские журналистки, назвав задавшую мне вопрос глупой и непрофессиональной. Вообще американки постоянно критиковали англичан за грязный Лондон, за долгие молитвы перед едой, за фанатизм английских женщин.

Мы жили в семьях, я обратила внимание, что на кухнях в частных домах висит карта мира, изданная в Финляндии под редакцией президента США Рейгана, где Советский Союз обведен толстой бордовой чертой, и надпись – «коммунистическая зона». Всё остальное пространство – зона свободного мира.

В Ливерпуле посетили детскую больницу – многоэтажную, очень большую, несколько корпусов. Когда переступили порог, у меня перехватило дыхание: около большой печи лежала груда искус-

ственных цветов для сжигания. Наши сопровождающие объяснили, что это «похоронные цветы». В больнице много тяжелобольных детей и похороны не редкость. На стенах в огромных коридорах были написаны фамилии детей и даты их смерти. Затем в комнате психолога нас познакомили с семьей, которая знала, что их ребенок не поправится. Они готовили альбом с фотографиями своего ребенка на память, как прощальный аккорд. Поразила больничная школа, которую нам показали. Там было трудно дышать, так как она была вновь построенной и искусственные материалы стен и полов отравляли воздух. Больница на меня произвела очень мрачное впечатление.

* * *

Заканчиваю свой роман словами поэта Леонида Дербенёва:

*От счастья обалдев,
Тоскуя или ссорясь.
В один из рядовых,
Обыкновенных дней
Возьмите карандаш
И напишите СОВЕСТЬ!
И вспомните,
Когда вы думали о ней.*

Галина РАЗБИВНАЯ

родилась в 1946 году в Петрозаводске.

*Окончила Карельский педагогический институт
по специальности «учитель русского языка и литературы».*

Почетный гражданин Республики Карелия,

кавалер ордена «Сампо».

Отличник народного просвещения,

Заслуженный учитель Карельской АССР.

Отмечена множеством государственных наград.

